

Нати (Анатолий) Канторович

РЕАКЦИЯ НА ПРОЦЕСС ЭЙХМАНА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ:
ПОПЫТКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА, 1960 - 1965 ГОДЫ*

Введение

На фоне систематического замалчивания Холокоста в СССР¹ анализ советской реакции на процесс Эйхмана позволяет сделать важные выводы об отношении советского общества к Катастрофе. Процесс, ставший событием международного масштаба, широко освещался средствами массовой информации всего мира, и советская пресса не могла игнорировать его. Исследователи располагают целым рядом газетных репортажей, статей и даже книг о процессе Эйхмана, вышедших в Советском Союзе². В дни самого процесса было предпринято несколько попыток выявить советскую позицию по этому вопросу, однако за отсутствием необходимой информации комментаторы ограничивались интерпретацией отдельных аспектов дела и не изучали целостную картину советской реакции на процесс³. Таким образом, большая часть материалов, в том числе и находившихся в открытом доступе, до сих пор не стала предметом научного исследования. Необходимо помнить, что в данном случае речь идет не только об изучении исторических событий, но и об анализе концепции, которую пытался построить советский истеблишмент⁴.

Настоящая статья рассматривает отношение Советского Союза к процессу Эйхмана на протяжении трех временных периодов:

* Эта статья является переработанной версией курсовой работы «Новые данные в исследовании Холокоста», представленной в рамках магистерского семинара под руководством проф. Иехуды Бауэра в Тель-Авивском университете. Я хочу поблагодарить проф. Якова Рои за согласие прочесть работу и за полезные замечания.

¹ Подробный обзор этой темы см.: Zvi Gitelman, "Politics and the Historiography of the Holocaust in the Soviet Union" // Zvi Gitelman (ed.), *Bitter Legacy: Confronting the Holocaust in the USSR* (Bloomington: Indiana University Press, 1997), pp. 14–50.

² Большинство этих материалов опубликованы в сборниках «Евреи и еврейский народ», выходявших с 1962 года в Лондоне, а с 1970 года издававшихся Центром исследования и документации еврейства Восточной Европы при Еврейском университете в Иерусалиме. Я широко использовал эти сборники в ходе работы над статьей.

³ Об этих попытках см. ниже.

⁴ Yizhak Arad, "Ha-Shoah ba-historiografiya ha-sovyetit" // Yisrael Gutman, Gideon Greif (eds.), *Ha-Shoah be-historiografiya* (Jerusalem: Yad Vashem, 1987), p. 141.

- 1) между официальным заявлением Давида Бен-Гуриона в Кнессете о поимке Эйхмана и началом судебного процесса;
- 2) в ходе самого процесса;
- 3) в первые годы после его окончания.

Советская общественность не могла не отреагировать на суд, на заседаниях которого обсуждались убийства и страдания евреев. Поэтому на примере отношения Советского Союза к процессу Эйхмана мы постараемся проанализировать отношение СССР к Холокосту вообще.

Мы не случайно решили завершить рассматриваемый нами период 1965 годом. Именно в этом году враждебное отношение Советского Союза к Израилю как к центру международного сионизма получило официальное выражение: советский представитель впервые приравнял сионизм к нацизму с трибуны ООН⁵. Поэтому стоит задуматься, повлияла ли политическая позиция Советского Союза относительно Государства Израиль и сионизма на советскую официальную интерпретацию суда над Эйхманом.

Предыстория

Прежде чем рассмотреть позицию Советского Союза относительно процесса Эйхмана, следует познакомиться с настроением, которые господствовали в стране в предшествовавший период. Необходимо проанализировать отношение Советского Союза к Холокосту и к Израилю, а также внутреннюю политику СССР по еврейскому вопросу. Нужно помнить, что Израиль неизменно – как публично, так и посредством неофициальных каналов – подчеркивал тесные связи с советским еврейством. Советский же режим считал своим долгом эти связи разорвать⁶. Однако пре-

⁵ В 1965 году советский представитель впервые попытался провести параллель между сионизмом и нацизмом с трибуны официальной международной организации (ООН). См.: Yohanan Manor, *Alilat dam: Ha-ma'avak le-vitul hahlatat ha-U"М ha-mashva et ha-ziyonut le-gizanut* (Jerusalem: Ha-Sifriya Ha-Ziyonit, 1998), pp. 27–29. Понятие «международный сионизм» было призвано подчеркнуть всемирный размах сионизма и показать, что это явление не ограничивается одной-единственной маленькой страной. См.: William Korey, *Russian Antisemitism, Pamyat and the Demonology of Zionism* (Chur, Switzerland: Harwood Academic Publishers, 1995), pp. 30–45.

⁶ Yacov Ro'i, *The Struggle for Soviet Jewish Emigration* (Cambridge: Cambridge University Press, 1991), pp. 55–85.

жде всего мы должны коснуться советской концепции событий Второй мировой войны, на которую опиралось и отношение властей к процессу Эйхмана.

Лишь после XX съезда КПСС изучение Второй мировой войны приобрело в СССР серьезный размах, причем главное внимание уделялось советско-германскому противостоянию – Великой Отечественной войне⁷. Как только окончилась война, начались славословия гению Сталина, который привел народы Советского Союза к победе. Других объяснений не требовалось. Более того, главная задача советского общества, единолично установленная вождем, заключалась в скорейшем восстановлении страны. Ради достижения этой цели следовало оставить трагедию войны в прошлом⁸. Вместе с тем война служила постоянным напоминанием о титанической борьбе против сил, которые пытались уничтожить Советский Союз, причем подразумевалась не только фашистская Германия⁹, но и империалистические государства в целом. Тот факт, что Соединенные Штаты и Великобритания были союзниками СССР, не противоречил этой исторической интерпретации: утверждалось, что даже в разгар боевых действий они всячески вредили советскому режиму¹⁰.

Перемены, произошедшие в советском обществе во второй половине 50-х годов, коснулись и памяти о войне. Культ личности Сталина был разоблачен, и в роли главного фактора, приведшего страну к победе, оказались народы Советского Союза. При описании событий войны подчеркивались единство народа и общие для всех страдания и жертвы. Вместе с тем в трагедии можно было найти и повод для оптимизма: война закалила советский народ и продемонстрировала его героический дух¹¹. Конец 50-х

⁷ Это название напрямую перекликалось с Отечественной войной 1812 года против наполеоновских армий и символизировало сочетание героических традиций дореволюционного прошлого с советским настоящим. Идеологема «великая война» призвана была возвеличить деяния советского человека по сравнению с предыдущей эпохой. Подробнее об этом см.: Nurit Schleifman, "Moscow Victory Park: A Monumental Change" // *History & Memory*, vol. 13, № 2 (2003), p. 8.

⁸ Nina Tumarkin, "The Great Patriotic War as Myth and Memory" // *European Review*, vol. 11, № 4 (2003), p. 597.

⁹ В отличие от принятой на Западе терминологии, в советской историографии господствующая идеология Германии именовалась фашизмом. Вероятно, в СССР хотели избежать упоминания о социалистическом элементе нацистского движения.

¹⁰ Tumarkin, *The Great Patriotic War*, p. 597.

¹¹ Петр Вайль и Александр Генис, *60-е: мир советского человека*. М.: НЛО, 2001. С. 88–89.

годов в Советском Союзе был периодом смены поколений. В жизнь вступали те, для кого страдания и героизм были историческими событиями, а не фактами личной биографии.

Все эти события привели к значительным переменам в исторической памяти. Личная трагедия и индивидуальный героизм уступили место общенациональному героизму и общенациональным жертвам. Миф о войне затмил собой миф о революции, позаимствовав у него идейные символы (бескомпромиссная борьба против империализма ради выживания)¹². Внешняя символика также подверглась изменениям: культ павших всемерно усиливался и приобретал монументально-сакральный характер¹³. Пик этого процесса пришелся на вторую половину 60-х годов, но к тому времени Советский Союз утвердился в роли главного победителя в войне, в роли страны, в одиночку спасшей мир¹⁴. За считанные годы были написаны тысячи книг и статей, посвященных трагедии и героизму советских людей, однако трагедия еврейского народа не упоминалась в них вообще или упоминалась вскользь¹⁵.

После XX съезда Коммунистической партии и до разрыва дипломатических отношений между СССР и Израилем (1956–1967 годы) преобладало отношение к Холокосту как к одному из примеров трагедии народов Советского Союза. При этом о евреях как таковых, как правило, не говорилось ничего¹⁶. Это время представляло собой переходный этап между полным замалчива-

¹² Schleifman, "Moscow Victory Park", pp. 8–9; Gitelman, "Politics and the Historiography", p. 28. Борьба против внешних и внутренних врагов, замышляющих помешать строительству нового общества, является одним из главных элементов формирования идентичности в тоталитарных обществах вообще и в советском обществе в частности. О формировании концепции образа врага в Советском Союзе см.: Лев Гудков, «Идеология "врага": "враги" как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции» // Л. Гудков (ред.), *Образ врага*. М.: ОГИ, 2005. С. 7–97, особенно 43–69.

¹³ Catherine Merridale, "War, Death, and Remembrance in Soviet Russia" // Jay Winter and Emmanuel Sivan (eds.), *War and Remembrance in the Twentieth Century* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), pp. 77–83.

¹⁴ Согласно советской «шкале врагов», нацистская Германия представляла собой абсолютное зло, не поддающееся осмыслению в рамках человеческой морали. Победа над нацизмом являлась, таким образом, не просто военным успехом, но моральным триумфом, подчеркивающим верность советских (а впоследствии русских) пути и политики (*Образ врага*. С. 58–59).

¹⁵ Arad, "Ha-Shoah ba-historiografiya", pp. 154–155.

¹⁶ Arad, "Ha-Shoah ba-historiografiya"; Gitelman, "Politics and the Historiography", pp. 18, 24–25.

нием Холокоста и последующими обвинениями сионистов в со-трудничестве с нацизмом.

В годы, предшествовавшие процессу над Эйхманом, одной из немногих связанных с Холокостом общественных дискуссий в Советском Союзе была дискуссия вокруг Бабьего Яра¹⁷. Вызванная публикацией известного стихотворения Евгения Евтушенко (19 сентября 1961 года) и последовавших откликов, она достигла своей кульминации уже после начала процесса. Однако на страницах советской прессы споры вокруг этой темы велись еще в конце 50-х годов, хотя до выхода стихотворения в свет еврейская тема и не упоминалась открыто. Эта страница истории недостаточно изучена вплоть до сегодняшнего дня, и все же можно видеть в дискуссии о Бабьем Яре один из ярких симптомов начала конфликта между тремя основными группами советских интеллектуалов: либералами, советскими консерваторами и русскими националистами¹⁸. Либералы требовали свободы упоминания страданий и жертв каждого из народов Советского Союза, в то время как консерваторы и русские националисты возражали против этого, причем каждая группа возражала по-своему¹⁹. Консерваторы следовали официальной политической линии, которая подчеркивала трагедию, пережитую совместно всеми народами СССР, а националисты утверждали (неофициально), что преступления, совершенные большевиками против русского народа, ни в чем не уступают преступлениям нацистов. Обе эти точки зрения вполне соответствовали официальной советской позиции, согласно которой Холокост был второстепенным историческим событием²⁰. Консерваторы и националисты придерживались

¹⁷ О месте, которое занимал Бабий Яр в исторической памяти евреев Советского Союза о Холокосте, см.: E. W. Clowes, "Constructing the Memory of the Holocaust: the Ambiguous Treatment of Babii Yar in Soviet Literature" // *Partial Answers*, № 3 (2) (2005), pp. 153–182.

¹⁸ Kiril Feferman, *Soviet Treatment of the Holocaust, 1941–1964* (unpublished M. A. thesis submitted to the Hebrew University, Jerusalem, 2000), pp. 37–41. Я хочу выразить благодарность Кириллу Феферману, предоставившему эту работу в мое распоряжение.

¹⁹ Подробнее об их позициях см.: Jay Bergman, "Soviet Dissidents on the Holocaust, Hitler and Nazism: A Study of the Preservation of Historical Memory" // *The Slavonic and East European Review*, vol. 70, № 30 (July 1992), pp. 477–504. Об отношении антисоветских националистических кругов к евреям см.: Binyamin Pinkus, "Ha-tnuot ha-disidentiyot bi-Vrit ha-Moazot ve-yahsan la-yehudim u-le-Medinat Yisrael" // *Shvut*, № 15 (1992), pp. 246–253.

²⁰ Feferman, *Soviet Treatment of the Holocaust*, p. 41.

сходных взглядов и вскоре объединились на почве признания русского характера советской идентичности, полную антитезу которому в их глазах представляло собой еврейство²¹.

В конце 50-х – начале 60-х годов серьезные изменения произошли и в отношении Советского Союза к Государству Израиль²². После некоторого затишья, наступившего вслед за окончанием «дела врачей» и возобновлением дипломатических отношений летом 1953 года, Синайская кампания 1956 года заново пробудила враждебность к Израилю²³. В 1958 году в свет вышли две публикации, окончательно поместившие Израиль в империалистический лагерь. Первой была статья Галины Никитиной, опубликованная в журнале «Советское востоковедение» (№ 10)²⁴. Автор статьи осуждала Израиль за связь с американским империализмом и утверждала, что это государство было создано империалистами и служит империалистическим интересам²⁵.

Одновременно со статьей Никитиной увидела свет книга Зиновия Шейниса и Константина Иванова²⁶ об Израиле. Она представляла собой первую в СССР попытку дать всеобъемлющее описание Израиля. Помимо упоминаний о «буржуазном характере» государства, которые уже встречались в статье Никитиной, в книге читатель находил удручающую картину экономического положения в стране. По мнению авторов, израильское хозяйство было отдано под полный контроль американских и

²¹ См.: Николай Митрохин, *Русская партия. Движение русских националистов в СССР, 1953–1985*. М.: НЛО, 2003. Это относительно недавнее исследование анализирует, в частности, историю русско-советской националистической группы в кругах партийного и советского политического аппарата в Советском Союзе.

²² Yosef Govrin, *Yahsei Yisrael – Brit ha-Moazot: 1953–1967* (Jerusalem: Magnes, 1990), p. 91.

²³ 5 ноября 1956 года председатель Совета министров СССР Николай Булганин направил главам Англии, Франции и Израиля письмо с предупреждением о том, что его страна не побоится применить военную силу для защиты Египта. Подробнее об этом см.: Govrin, *Yahsei Yisrael*, pp. 69–70.

²⁴ Галина Никитина считалась одним из ведущих советских «специалистов по Израилю» и даже защитила по этой теме докторскую диссертацию.

²⁵ Govrin, *Yahsei Yisrael*, p. 91.

²⁶ В своей покаянной книге «Провокация века», выпущенной в 1992 году, Шейнис раскрыл подлинное имя своего соавтора Иванова. Им был заместитель министра иностранных дел СССР Владимир Семенов, курировавший политику по отношению к Израилю (Зиновий Шейнис, *Провокация века*. М.: ПИК, 1992. С. 174).

западноевропейских монополий²⁷. Шейнис и Иванов также постарались уладить противоречие между традиционной советской политикой поддержки молодых государств, недавно получивших независимость, и отрицательным отношением СССР к Израилю²⁸. Марксизм, объясняли они, не рассматривает национальное освобождение отдельных стран как самоцель, оправдывающую любые средства, но придает значение прежде всего международному контексту происходящих событий. Сионизм в двадцатом веке стал реакционным движением, подобно тому как в девятнадцатом веке реакционный характер приобрели национально-освободительные движения чехов и южных славян²⁹. Впервые то, о чем говорили в кулуарах, было высказано открыто.

Советский режим также критиковал Израиль за сотрудничество с Западной Германией³⁰. Впервые эта критика прозвучала еще в начале 50-х годов, когда после подписания соглашений о репарациях между Израилем и ФРГ Москва заявила, что они способствуют легитимации боннского режима³¹. Вместе с тем вплоть до начала 60-х годов советское правительство неоднократно и по различным каналам давало понять руководству Израиля, что считает подписание соглашений оправданным³².

Книга Иванова и Шейниса преследовала еще одну цель, не менее важную, а именно – отвратить советских евреев от Израиля. В те годы произошли два события, в рамках которых связь между

²⁷ Константин Иванов и Зиновий Шейнис, *Государство Израиль. Его положение и политика*. М.: Госполитиздат, 1958. С. 100–117.

²⁸ Govrin, *Yahsei Yisrael*, p. 93.

²⁹ *Ibid.*, p. 96; Иванов и Шейнис, *Государство Израиль*. С. 140–143.

³⁰ Govrin, *Yahsei Yisrael*, p. 97.

³¹ См., например: *Новое время*, № 25 (1952); *Литературная газета*, 17 февраля 1952; Yaacov Ro'i, *Soviet Decision Making in Practice* (New Brunswick: Transaction Books, 1980), pp. 422–423.

³² См., например: Б. Л. Колоколов и Э. Бенцур (ред.), *Советско-израильские отношения. Сборник документов 1941–1953*. Т. 1. Кн. 2. М.: Международные отношения, 2000. С. 299, 342, 348, 379–380. В этом контексте интересно, что советская сторона видела в уничтожении евреев нацистами достаточный повод для разрыва отношений с Германией. По словам Моше Сне, в конце 1961 года делегации компартии Израиля (МАКИ), находившейся с визитом в Москве, сказали, что Израиль может разорвать отношения с Западной Германией на «чисто еврейских основаниях» (см.: Govrin, *Yahsei Yisrael*, p. 97). Едва ли это предложение было плодом лишь советской позиции: вероятно, Моше Сне участвовал в его подготовке. См.: Pinhas Ginosar (ed.), *Moshe Sneh – ktavim, 1954–1965* (Tel Aviv: Am Oved, 2005), vol. 4, pp. 36–37.

евреями СССР и Израилем проявилась особенно сильно: Фестиваль молодежи и студентов в Москве летом 1957 года и репатриация из Советского Союза в Польшу бывших польских граждан (в том числе около 30 000 евреев, большинство из которых впоследствии уехали в Израиль) в 1956–1959 годах. Фестиваль продемонстрировал растущий интерес советских евреев к Израилю, а репатриация доказала несостоятельность утверждений, будто евреи СССР довольны жизнью и не хотят покинуть свою родину. Среди выехавших в Польшу евреев были и те, кто никогда не имел польского гражданства³³.

Пытаясь уменьшить притягательность Израиля в глазах евреев – советских граждан, СССР начал разнuzданную антиизраильскую кампанию. Она велась на двух фронтах – на тайном и на явном. Те, кто проявлял интерес к Израилю, подвергались негласным репрессиям вплоть до ареста. При этом не прекращалась открытая пропаганда – в книгах и статьях, репортажах в печати и по радио, – представлявшая Израиль в неприглядном свете.

В дополнение к традиционным обвинениям, в те годы в советских публикациях об Израиле сформировался новый литературный жанр: «голоса оттуда». В газетах печатались письма бывших советских граждан, репатрировавшихся в Израиль и теперь горько сожалевших об этом и рассказывавших о подлинном положении дел в «сионистском раю»³⁴. Израиль был представлен в них как расистское общество, лелеющее миф о превосходстве евреев – избранного народа. Советские граждане, побывавшие в Израиле, также публиковали письма и статьи о якобы безотрадном положении дел в стране³⁵. Изображение Израиля как общества, основанного на расовой теории, в сочетании с упоминанием сотрудничества между Израилем и Западной Германией, продолжательницей дела Гитлера, прокладывало путь к проведению параллелей между ними.

Накануне поимки Эйхмана советская концепция уже относила Израиль к «лагерю международной реакции». Израиль изо-

³³ Об этих событиях см.: Ro'i, *The Struggle*, pp. 252–268; Natan Shaham, *Pegishot be-Moskva, 1957* (Merhaviya, Ha-Kibuz Ha-Arzi – Ha-Shomer Ha-Zair, 1957).

³⁴ Binyamin Pinkus, *Yehudei Rusiya u-Vrit ha-Moazot: toldot miut leumi* (The Ben Gurion University of Negev: Center of Ben Gurion's Legacy, 1986), p. 390.

³⁵ Pinkus, *Yehudei Rusiya*, pp. 392–393.

бражался не только послушным орудием международного империализма, но и пособником возрождения нацизма – воплощения абсолютного зла.

Советская позиция в период между заявлением Бен-Гуриона и началом процесса

Спустя два дня после заявления Бен-Гуриона о поимке Адольфа Эйхмана центральные газеты РСФСР, Украины и Белоруссии³⁶ опубликовали соответствующее сообщение ТАСС³⁷. Остальные газеты обошли случившееся молчанием, за исключением выходившей на идиш «Биробиджанер штерн», которая 27 мая 1960 года перепечатала сообщение ТАСС. Лишь «Советская Белоруссия» и вслед за ней «Биробиджанер штерн» указали, что Эйхман несет ответственность за уничтожение миллионов евреев Европы. Остальные газеты ограничились перепечаткой сообщения и указанием, что Эйхман будет предан суду в Иерусалиме.

Спустя неделю (3 июня 1960 года) «Червоны штандар», орган Коммунистической партии Литвы на польском языке, писал, ссылаясь на польскую прессу, что власти Западной Германии обратились к Израилю с просьбой о выдаче Эйхмана, дабы воспрепятствовать разоблачению военных преступников, которые нашли убежище в истеблишменте ФРГ. В этой статье обозначился один из характерных постулатов будущей позиции СССР по отношению к процессу – утверждение, будто Западная Германия пытается замаять дело Эйхмана.

Через несколько дней это утверждение повторила газета «Вечерняя Москва». На этот раз, однако, трактовка несколько изменилась: в статье «Конец карьеры» утверждалось, что канцлер ФРГ Конрад Аденауэр официально обратился к премьер-министру Израиля с просьбой не давать процессу широкой огласки³⁸. Газета не ограничилась нападками на Германию и выдвинула еще более серьезные обвинения в адрес других стран Запада: амери-

³⁶ О структуре советской прессы см.: Eugene K. Keefe, Arsen A. Boucher et al., *Area Handbook of the Soviet Union* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1971), pp. 520–521.

³⁷ *Советская Россия, Правда Украины, Советская Белоруссия*, 25 мая 1960.

³⁸ *Вечерняя Москва*, 7 июня 1960.

канцы задержали Эйхмана, однако ему удалось бежать; затем он получил временное убежище у Франко в Испании, а позднее, при помощи католической церкви, эмигрировал в Латинскую Америку. Автор статьи не умалчивал о роли Эйхмана в осуществлении «окончательного решения»³⁹, однако не упоминал при этом, что его жертвами были евреи.

В статье была приведена несущественная на первый взгляд деталь, которая тем не менее могла серьезно повлиять на общественное мнение. Опираясь на «зарубежные источники», газета указывала, что Эйхман был задержан во время визита в Израиль [sic!], где гостил у приятельницы, которая и выдала его властям. Впечатление, что Эйхман был пойман на территории Израиля, складывается и при чтении статьи в «Правде Украины» от 25 мая 1960 года. Впрочем, для советского читателя это не было неожиданностью, ведь еще в 1959 году в прессе подчеркивались связи между Израилем и Западной Германией (правительство которой изображалось преемником дела Гитлера), – связи, оскорбляющие память жертв⁴⁰. В начале 1960 года предпринимались попытки косвенным образом связать Израиль с нацизмом, указывая на сотрудничество между Израилем и Западной Германией. В статье «Пылкие симпатии к свастике», опубликованной в «Литературной газете» в феврале, говорилось, что Бен-Гурион пытается «оглупить» граждан своей страны, изображая Советский Союз источником антисемитизма, а ГДР – истинной продолжительницей дела нацистов⁴¹. Несколькими неделями позже сатирический журнал на украинском языке «Перець» напечатал рядом карикатуры на Бен-Гуриона и Аденауэра. Канцлер ФРГ изображался художником, рисующим автопортрет по образцу портрета Гитлера⁴².

На этом этапе средства массовой информации СССР обычно обвиняли ФРГ в попытках воспрепятствовать разоблачению пре-

³⁹ Журналист Б. Ирнин указывает в начале статьи, что Эйхман руководил отделом, отвечавшим за «решение еврейского вопроса», однако из текста следует, что его работа касалась «расового вопроса» в целом.

⁴⁰ Понятия «Холокост» или «умышленное уничтожение» не использовались, речь шла о «еврейских жертвах фашизма» (см., например: Григорий Плоткин, *Поездка в Израиль*. М.: Литературная газета. 1959. С. 42–43.

⁴¹ *Литературная газета*, 6 февраля 1960.

⁴² *Перець*, № 8 (1960).

ступлений нацизма. 9 июня 1960 года в «Комсомольской правде» была опубликована статья о панике, охватившей официальный Бонн; в статье было впервые упомянуто имя Ганса Глобке, статс-секретаря и директора канцелярии Аденауэра, занимавшего при нацистском режиме пост юридического советника министерства внутренних дел⁴³. После информации о прошлом Глобке в статье сообщалось, что Глобке был вызван к Аденауэру для срочных консультаций. Автор выражал недоумение по поводу того, что глава правительства ФРГ оказался не осведомлен о многочисленных нацистах, проникших в ряды его администрации.

За исключением редких неизбежных упоминаний, в этих статьях об Израиле речь заходит только в одном контексте⁴⁴: в последние две недели июня 1960 года в Совете Безопасности ООН на нескольких заседаниях обсуждалась жалоба Аргентины на нарушение ее суверенитета в ходе похищения Эйхмана. 19 июня 1960 года только «Биробиджанер штерн» напечатала сообщение ТАСС о подаче жалобы, однако к тому времени, когда в Совете Безопасности начались обсуждения, эта ситуация широко освещалась центральной прессой. «Правда», например, привела пространные цитаты из выступления тогдашнего министра иностранных дел Израиля Голды Меир и из речи советского представителя в ООН Аркадия Соболева. Газета не ограничилась отрывками из речи Соболева о праве любой страны на наказание нацистских преступников, но подвергла резкой критике государства Запада, обвинив их в укрывательстве бывших нацистов. В тот же день «Вечерняя Москва» процитировала речь польского представителя, – сходной идеологической направленности и

⁴³ Feferman, *Soviet Treatment of the Holocaust*, p. 98, n. 243.

⁴⁴ Похищение Эйхмана и будущий процесс над ним не упоминались даже в ходе переговоров между Н. С. Хрущевым и генеральным секретарем МАКИ Самуилом Микунисом в ходе съезда Рабочей партии Румынии. В центре их беседы находился национальный вопрос, который, по мнению Хрущева, имел второстепенное значение по сравнению с вопросом социально-классовым (см.: *Kol ha-am*, June 20, 1960). Микунис, правда, признал, что газета привела слова Хрущева с некоторыми изменениями, но, скорее всего, газета не стала бы выбрасывать из текста упоминание о похищении, в особенности в свете предстоящего заседания Совета Безопасности ООН. В более поздних записях о беседе Микунис тоже не упоминает о деле Эйхмана, но указывает, что встреча состоялась по инициативе Хрущева и что говорил в основном Хрущев. Это позволяет понять, каковы были в то время советские приоритеты. См.: Shmuel Mikunis, "Yisrael ve-ha-am ha-yehudi – be-sihot im manhigim sovietim ve-komunistim". Архив израильского рабочего движения при Институте им. П. Лавона (Тель-Авив). Фонд Самуила Микуниса. IV-104-85. Д. 69.

тоже содержавшую нападки на Запад. Остальные газеты ограничились краткими сообщениями общего характера о состоявшемся в ООН обсуждении⁴⁵. Спустя несколько месяцев пресса прямо обвиняла правительство Аргентины в том, что оно предоставило убежище многим военным преступникам⁴⁶.

Серия статей в журнале «Новое время» резко обвиняла Германию и США, утверждая, что они пытаются воспрепятствовать судебному преследованию других нацистских преступников и их пособников, превратив Эйхмана в козла отпущения⁴⁷. Газета с удовлетворением отмечала, что Эйхман предстанет перед судом именно в Израиле (а не в Западной Германии, где отменена смертная казнь), тем самым выражая недоверие к судебной системе стран Запада⁴⁸. Подобные мнения звучали и в дипломатических кругах: министр иностранных дел СССР Андрей Громыко сказал в частной беседе с послом Израиля в Советском Союзе профессором Арье Харелем, что другие нацистские преступники, вроде Мартина Бормана и Йозефа Менгеле, все еще разгуливают на свободе и что лишь Израиль способен предать их справедливому суду⁴⁹.

Другими словами, в течение первого же месяца после сообщения о поимке Эйхмана советские представители постепенно предали гласности свои ожидания от предстоящего процесса. Наряду с Эйхманом, утверждали они, следует предать суду нацистских преступников, укрывшихся в государственном аппарате ФРГ.

Во всех этих публикациях Холокост занимал второстепенное место; о нем заходила речь, лишь когда невозможно было не упомянуть, чем именно занимались Эйхман и его сообщники. Эти упоминания обязательно уравновешивались указанием на страдания, выпавшие на долю других народов, или замалчиванием национального происхождения жертв. Так, газета «Труд», одна из

⁴⁵ *Красная звезда*, 23 июня 1960; *Труд, Советская Литва*, 25 июня 1960.

⁴⁶ *Советская Эстония*, 13 сентября 1960.

⁴⁷ В частности, утверждалось, что посол США в Израиле получил от президента Эйзенхауэра указание потребовать от Израиля свести будущий судебный процесс исключительно к обсуждению преступлений самого Эйхмана (*Новое время*, № 24 (10 июня 1960); № 25 (17 июня 1960)).

⁴⁸ *Новое время*, № 26 (24 июня 1960).

⁴⁹ Avigdor Dagan, *Moscow and Jerusalem* (New York: Abelard-Schuman, 1970), p. 138, n. 22.

самых распространенных в СССР, орган Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов, упоминает в номере от 9 августа 1960 года антиеврейскую деятельность Глобке как одного из тех, кто ответствен за введение в Германии расовых законов⁵⁰. Статья приписывает Глобке не только гонения на евреев, но и преступления, совершенные на территории Советского Союза. В статье сказано, что в годы Второй мировой войны Глобке действовал в Литве, «где были уничтожены десятки тысяч советских граждан» (*разрядка моя – Н. К.*). Таким образом, умалчивая о национальном происхождении жертв, пресса старалась создать впечатление, будто Глобке каким-то образом замешан в деле Эйхмана. «Советская Россия», центральный печатный орган РСФСР, в номере от 30 ноября 1960 года открыто обвинила руководство израильской правящей Рабочей партии (МАПАЙ) в том, что, заключив союз с боннскими властями, оно предало память шести миллионов евреев – жертв нацизма. В ту пору лишь таким образом можно было упомянуть в советской прессе Холокост как историческое событие исключительного характера.

В этой связи интересно отметить русский перевод дневников Анны Франк, который вышел в свет во второй половине 1960 года. Предисловие к изданию написал Илья Эренбург. Говоря о Холокосте, Эренбург полностью игнорирует дело Эйхмана (книга была сдана в набор в конце мая 1960 года и подписана к печати в августе), однако резко нападает на Глобке, на совести которого «шесть миллионов безвинных жертв»⁵¹. В попытке превратить Эйхмана в «универсального преступника» советская пресса намеренно использовала неточные цитаты. В номерах «Литературной газеты» от 6 и 9 сентября говорилось, что Эйхман несет ответственность за смерть еврейских детей, брошенных в печи Май-

⁵⁰ *Труд*, 9 августа 1960. 13 августа 1960 года варшавская газета на идиш «Folksshtime» опубликовала статью И. Кормана под заголовком “Kegn di yidishe hetser tsu der ‘kalter milkhome’” («О еврейских подстрекателях “холодной войны”»). Автор обвиняет Нахума Гольдмана, «товарища Аденауэра», как он его называет, в попытке воспрепятствовать расследованию преступлений Глобке. Ближе к концу статьи Корман осуждает также сионистское движение, которое стремится отвлечь внимание общественности от дела Эйхмана путем организации Парижской конференции, направленной, по его словам, против Советского Союза. О международной конференции в Париже, посвященной еврейской проблеме в СССР, см.: Ro'i, *The Struggle*, pp. 138–141; Nehemiya Levanon, *Ha-kod: Nativ* (Tel Aviv: Am Oved, 1996), pp. 169–172.

⁵¹ *Дневник Анны Франк*. М.: ИЛ, 1960. С. 9. Эренбург, неизменно внимательный к теме Холокоста, обошел молчанием процесс Эйхмана и в других своих сочинени-

данека и Освенцима; при этом автор упоминал слова Эйхмана, сказанные незадолго до окончания войны, – о том, что он рад уничтожению миллионов людей⁵². Здесь же газета приписывала Эйхману преступления против советского режима: его объявили ответственным за приказы об уничтожении, помимо евреев, «большевиков-комиссаров». В отличие от «Литературной газеты» – всесоюзного органа печати, – менее значительные издания цитируют слова Эйхмана точно, но зато приписывают ему прямую ответственность за гибель не только евреев, но и миллионов поляков, чехов, русских и представителей других национальностей⁵³.

Что советский читатель мог узнать из этих статей о трагедии евреев? В «Новом времени» (№ 31) указывалось, что уничтожение евреев производилось с той же жестокостью, что и уничтожение коммунистов, советских солдат и партизан. В этом утверждении просматривается явная симпатия к евреям; однако оно демонстрирует, что советская пропаганда, игнорировавшая еврейскую трагедию, нуждалась в примерах и аналогах, чтобы описать страдания евреев, не упоминая при этом о Холокосте. Эта статья была уникальна для своего времени, поскольку содержала обвинения в адрес не только Германии, но и других стран Запада, которые почти ничего не сделали для спасения евреев. В качестве примера автор статьи приводит историю Йозефа Бранда, которого корыстолюбивые нацисты заставили поехать в Палестину, чтобы организовать поставки грузовиков в обмен на освобождение миллиона евреев⁵⁴. Глубокое негодование автора

ях (см.: Мордехай Альтшулер и др. (ред.), *Советские евреи пишут Илье Эренбургу, 1943–1966*. Иерусалим: Яд Вашем, 1993. С. 425). Более того, даже такое на первый взгляд беззубое предисловие вызвало негативную реакцию советского литературного и идеологического начальства, попытавшегося без ведома автора внести в текст кардинальные изменения, представив евреев трусами, «покорно шедшими на заклание» или «прятавшимися в порах человеческого общества». Только своевременное вмешательство Эренбурга и Зиновия Шейниса предотвратило публикацию измененного текста. См.: Шейнис, *Провокация века*. С. 143–146.

⁵² Согласно показаниям Дитера Вислицени на Нюрнбергском процессе, Эйхман несколько раз говорил о пяти-шести миллионах евреев, умерщвленных в рамках «окончательного решения». В продолжение своих показаний Вислицени цитирует слова Эйхмана о пяти миллионах людей в ответ на вопрос обвинителей о числе убитых евреев. См.: *The Trial of Major German War Criminals* (London: Published under the authority of H. M. Attorney-General by His Majesty's Stationery, 1964), vol. 3, pp. 287–289.

⁵³ *Советская Эстония*, 13 сентября 1960; *Московская правда*, 13 октября 1960.

⁵⁴ *Новое время*, № 31 (1960).

статьи вызывают как действия нацистов, так и поведение британских властей в Палестине, которые по собственным соображениям помешали осуществлению сделки и тем самым обрекли на смерть десятки тысяч людей.

Однако по прошествии нескольких месяцев эта история представляется уже в ином свете. К концу 1960 года отношение советской прессы к роли Израиля изменилось. В октябре 1960 года советская партийная газета обвинила правительство Израиля в том, что оно не только задерживает начало процесса, но и поддерживает экономические связи с государством, руки которого обогрены еврейской кровью⁵⁵. Ранее в печати уже говорилось о попытках ФРГ и США оказать давление на Израиль с целью замалчивания дела Эйхмана. Теперь же сам Бен-Гурион изображался человеком, который хочет скрыть правду и в угоду которому государственные чиновники выдумывают различные бюрократические отговорки, чтобы отложить начало суда. В номере от 22 декабря 1960 года «Вечерняя Москва» выражает серьезные сомнения по поводу будущего процесса и объясняет ожидания СССР: «Как будет проходить процесс над одним из самых кровавых палачей гитлеровского рейха, насколько он сможет помочь разоблачению неонацизма в Западной Германии, покажет будущее»⁵⁶. Израилю следовало не только предать нацистов суду, но и предотвратить любые попытки «любых реакционных сил» возродить гитлеровский режим⁵⁷.

Советская пресса не забывала и о других аспектах дела Эйхмана. Помимо нападок на ФРГ и на Запад – и в особенности на Ганса Глобке, в котором видели нацистского преступника, сумевшего избежать скамьи подсудимых⁵⁸, – усиливались и атаки на защитника Эйхмана д-ра Роберта Серватиуса (Сервациуса). Имя адвоката еще не было известно, когда в советской прессе появились сообщения о том, что правительство Западной Германии планирует направить в Израиль своего представителя, который заставит

⁵⁵ *Московская правда*, 13 октября 1960.

⁵⁶ *Вечерняя Москва*, 22 декабря 1960.

⁵⁷ *Новое время*, № 31, № 42.

⁵⁸ Так, в № 11 журнала «В защиту мира» был опубликован ряд документов, которые, по мнению советских властей, должны быть разоблачить подлинное (нацистское) лицо Глобке.

Эйхмана замолчать⁵⁹. Месяцем позже, когда личность защитника стала достоянием гласности, статья в белорусской газете «Звезда» обвинила Серватиуса в том, что он получил деньги от Глобке и теперь всячески старается воспрепятствовать его разоблачению⁶⁰. Ранее Серватиус защищал ответственного за мобилизацию рабочей силы в Третьем рейхе Фрица Заукеля, приговоренного к смертной казни на Нюрнбергском процессе, и в глазах советской прессы это доказывало его богатый опыт в защите нацистов⁶¹. В попытке добиться молчания Эйхмана обвиняли даже Вилли Брандта, который в то время находился с визитом в Израиле⁶².

1961 год начался в советской прессе с резких атак на Израиль. В «Труде», одной из важнейших советских газет, появилась большая статья под заголовком «Сборище банкротов», посвященная 25-му Сионистскому конгрессу, который проходил в это время в Иерусалиме⁶³. Автор статьи обвинял Израиль и руководство сионистского движения в том, что они предали память миллионов евреев, заключив кровавую сделку с продолжателями дела Гитлера, «боннскими реваншистами»⁶⁴. Язвительный стиль статьи, вскоре ставший типичным для газетных материалов, посвященных Израилю и сионизму, в ту пору был новшеством. На данном этапе подчеркивалось, что Западная Германия опасается показаний Эйхмана на суде; Израиль же изображался зависимой стороной, выполняющей все требования ФРГ⁶⁵.

В то же время советская пресса превращала процесс в событие, имеющее непосредственное отношение к СССР. За несколько недель до начала суда газета «Советская Белоруссия» опубликовала статью о прошлом Эйхмана⁶⁶. В статье говорилось, что Эйхман не только отвечал за уничтожение евреев, но был специалистом

⁵⁹ *Московская правда*, 13 октября 1960.

⁶⁰ *Звезда*, 25 ноября 1960. Спустя некоторое время Израиль обвинили в том, что государство согласилось взять на себя выплату гонорара Серватиусу.

⁶¹ *Вечерняя Москва*, 22 декабря 1960.

⁶² *Советская Россия*, 30 ноября 1960.

⁶³ *Труд*, 1 января 1961.

⁶⁴ Идеологема «боннские реваншисты» была в ту пору синонимом ФРГ.

⁶⁵ *Комсомольская правда*, 8 февраля 1961; *Коммунист* (Ереван), 22 марта 1961; *Советская Белоруссия*, 2 апреля 1961. Все эти издания уступали значимостью и влиятельностью газете «Труд».

⁶⁶ *Советская Белоруссия*, 2 апреля 1961.

и по другим «неполноценным народам», в частности, руководил отправкой в лагеря советских военнопленных. Автор статьи даже утверждал, что показания Эйхмана способны изобличить многих нацистов, уничтоживших советских граждан. Спустя неделю газета «Советская Россия» подвергла атаке другую видную фигуру государственного аппарата Западной Германии, генерала Фридриха Фёрча, незадолго до этого назначенного генерал-инспектором (главнокомандующим) армии Западной Германии. В статье утверждалось, что он «несет ответственность за смерть и злодейские преступления на советской земле»⁶⁷. Статья стремилась умерить ожидания читателей от предстоящего процесса и готовила их к тому, что может произойти в Иерусалиме: «Мы не знаем, какой приговор фашистскому палачу и массовому убийце Эйхману вынесет израильский суд – может быть, правящие круги Израиля предпочтут закрыть глаза на прошлое во имя своей сегодняшней дружбы с боннскими милитаристами». Далее автор нападал на французов и англичан за то, что они забыли уроки войны и заключили союз с правительством ФРГ.

«Известия» присоединились к общему хору и в день открытия процесса сообщили своим читателям, что «плата Серватиусу принесла свои плоды», и Эйхман замолчал⁶⁸. Автор статьи упрекал Израиль, согласившийся уплатить гонорар адвокату, в деятельности которого тайно участвует Западная Германия. Домыслы такого рода появились в советской прессе несколькими месяцами ранее, однако только сейчас достигли первых полос газет. Замечания о гонораре, выплаченном Израилем Серватиусу, сопровождались мрачными описаниями тяжелого экономического положения Израиля; советский читатель задавался естественным вопросом: каким образом страна, чьи граждане терпят такие лишения, платит деньги иностранному гражданину – защитнику нацистского преступника, более того – нацисту?

В 1961 году вышла в свет книга Александра Лебедева, которая, в сущности, обобщила официальную советскую позицию в

⁶⁷ *Советская Россия*, 9 апреля 1961 года. Генерал-лейтенант Фёрч, заместитель командующего сил НАТО в Европе, командовал во время Второй мировой войны различными воинскими частями на Восточном фронте, что делало его, по меркам советской идеологии, типичным военным преступником.

⁶⁸ *Известия*, 11 апреля 1961.

отношении процесса, окончательно сформулировала, как СССР видит процесс и чего от него ожидает⁶⁹. Судьба евреев не интересует автора; он пытается установить прямую связь между преступлениями Эйхмана и ему подобных и Великой Отечественной войной. Помимо Глобке и Фёрча, он упоминает целый ряд других видных фигур ФРГ, которые, по мнению советских властей, несут ответственность за военные преступления против мирных граждан, совершенные на территории СССР. Автор полагает, что они должны находиться на скамье подсудимых вместе с Эйхманом и что туда же следует посадить адвоката, доктора Серватиуса⁷⁰. Уничтожение евреев упоминается, лишь когда автор обвиняет Бен-Гуриона в предательстве памяти погибших и попытках преуменьшить важность процесса в угоду Бонну и всем, кто пытается помочь Эйхману и иже с ним уйти от ответа⁷¹.

Советская позиция во время процесса

Об открытии процесса сообщило большинство центральных и республиканских газет Советского Союза. Однако если центральные печатные издания ограничились короткими заметками⁷², другие газеты не только позволили себе нападки на Германию⁷³, но и обвинили израильские власти в том, что они не допускают широкую публику в зал суда⁷⁴.

Теперь не только ФРГ, но и Израиль обвинялся в попытке скрыть неудобные подробности о прошлом руководителей Германии и членов военного командования сил НАТО. В конце апреля 1961 года две главные советские газеты, «Правда» и «Известия», предположили существование сговора между Израилем и Западной Германией с целью воспрепятствовать разоблачению других

⁶⁹ А. Лебедев, *Солдаты малой войны. Записки освенцимского узника*. М.: Госполитиздат, 1961. С. 120–121.

⁷⁰ Лебедев, *Солдаты малой войны*. С. 123–126.

⁷¹ Там же. С. 126–127.

⁷² *Правда, Известия, Труд, Комсомольская правда*, 12 апреля 1961.

⁷³ *Гудок*, 12 апреля 1961; *Czerwony sztandar*, 13 апреля 1961.

⁷⁴ *Советская Россия*, 12 апреля 1961; *Казахстанская правда*, 13 апреля 1961.

нацистских преступников⁷⁵. Более того, в «Правде», в статье под названием «Суд или фарс?», было заявлено, что в ходе процесса «делаются попытки замалчивания прошлого военных преступников»⁷⁶. Статья заканчивалась недвусмысленным предупреждением: от Израиля ожидают справедливого суда, поскольку «делки правящих кругов Израиля с преступниками из ФРГ не останутся без внимания. Этот номер не пройдет». В том же тоне были выдержаны статья в «Советской России», опубликованная двумя днями позже, и передачи московского радио 12 мая 1961 года⁷⁷. Спустя две недели, 23 мая, газета «Красная звезда» (печатный орган Министерства обороны СССР) поместила статью под названием «Операция “Пыль в глаза” продолжается», в которой говорилось о существовании сговора между Тель-Авивом и Бонном, цель которого – «во что бы то ни стало не допустить полного разоблачения и наказания военных преступников», занимающих высокие посты в правительстве Западной Германии⁷⁸.

Прожектора, до начала процесса обычно направленные на Западную Германию, были отныне наведены на Израиль. Более того, предпринимались попытки поставить под сомнение само право Государства Израиль предать суду нацистского преступника. Журнал «Новое время» вновь прибег к испытанному пропагандистскому приему, подвергнув нападкам саму суть сионизма и выразив удивление: как это нацистский преступник предстал перед судом в стране, где практикуется расовая сегрегация и нарушаются права арабов⁷⁹. Подобные обвинения выдвигались и в адрес стран Запада, – ведь их граждане ведут расистскую политику против народов Азии и Африки, а потому ничем не лучше Эйхмана⁸⁰. Вместе с тем не прекращались попытки подчер-

⁷⁵ *Правда, Известия*, 26 апреля 1961. Впервые об этом говорилось в передаче московского радио в день открытия процесса 11 апреля 1961 года. См.: Barukh Gur-Gureviz, *Hipus zehut: Bein hitbolelut le-hagira* (Jerusalem: Ha-Sifriya Ha-Ziyonit, 2003), p. 168.

⁷⁶ *Правда*, 28 апреля 1961.

⁷⁷ *Советская Россия*, 30 апреля 1961; William Korey, “Reporting the Eichmann Case” // *Survey*, № 39 (Dec. 1961), p. 21.

⁷⁸ См. также: *За рубежом*, № 13; *Советская Белоруссия*, 20 мая 1961; *Czerwony sztandar*, 2 июня 1961.

⁷⁹ *Новое время*, № 23.

⁸⁰ *Советская Латвия*, 30 апреля 1961.

кнуть эмоциональную заинтересованность Советского Союза в деле Эйхмана, который в ответе за гибель миллионов граждан СССР⁸¹.

В рамках обсуждения «сговора» между Израилем и ФРГ в адрес сионистского движения впервые прозвучали обвинения в сотрудничестве с нацистами, – в дальнейшем один из главных аспектов советской антиссионистской пропаганды⁸². Они заслуживают особого внимания, так как на их примере можно лучше понять методы советской пропаганды и ее отношение к Холокосту. На первом этапе обвинения носили характер намеков. В то же время они непосредственно затрагивали эмоции читателей, поскольку Израиль обвинялся в попытке использовать процесс в своих интересах, представив доказательства преступлений, совершенных исключительно против евреев. Тем самым Израиль наносил тяжкое оскорбление Советскому Союзу, осквернял память жертв фашизма и принижал заслуги народов Советского Союза, которые «выбили топор из лап гитлеровских палачей»⁸³. В неофициальных беседах между израильскими дипломатами и представителями советского истеблишмента эта тема всплывала неоднократно: СССР не был заинтересован в том, чтобы Израиль приобрел репутацию борца с фашизмом и лишил Советский Союз пальмы первенства в этой сфере⁸⁴.

Хотя в то время еще не представлялось возможным публично обвинить сионистов в сотрудничестве с нацистским режимом, можно было добиться желаемого результата, сочетая намеки на это с открытыми обвинениями Израиля в нежелании признать существование «нееврейских жертв Эйхмана». Это позволяло внушить советским читателям недоверие к Израилю и процессу⁸⁵. По утверждению авторов статей, «израильское вероломство» касает-

⁸¹ *Советская Латвия*, 30 апреля и 14 мая 1961.

⁸² *Советская Латвия, Советская Литва, Czerwony sztandar*, 20 апреля 1961; *Советская Киргизия*, 21 апреля 1961.

⁸³ *Труд, Московская правда*, 6 мая 1961; *Казахстанская правда*, 12 мая 1961; *Советская Латвия*, 14 мая 1961; *Комсомольская правда*, 16 мая 1961; *Czerwony sztandar*, 19 мая 1961; *Бакинский рабочий*, 23 мая 1961; *Литературная газета*, 20 июля 1961.

⁸⁴ Levanon, *Ha-kod: Nativ*, p. 180; Dagan, *Moscow and Jerusalem*, p. 139, n. 23; Moshe Zak, *40 shnot du-siah im Moskva* (Tel Aviv: Sifriyat Maariv, 1988), p. 121.

⁸⁵ См., например, резкую статью под названием «Цена крови», опубликованную

ся не только памяти жертв нацизма, но и событий сегодняшнего дня. Например, журнал «Новый мир» в июньском номере 1961 года указывал, что Бен-Гурион пытается защитить Западную Германию, несмотря на разгул антисемитизма в этой стране⁸⁶. Попытка израильтян представить Эйхмана убийцей одних лишь евреев символизировала в глазах советского руководства сущность сговора между Тель-Авивом и Бонном: ведь по утверждению прессы, Эйхман был повинен в убийстве не только евреев, но и «русских, украинцев, поляков, французов», и стремление игнорировать это являлось своего рода «обелением фашизма»⁸⁷.

Желание всячески затушевать еврейскую тему нередко приводило к прямому искажению фактов, которого советская пресса даже не старалась скрыть. Так, в журнале «Новое время» (№ 40), в статье с нападками на Фридриха Фёрча, приведена немецкая карта с указанием числа евреев, уничтоженных в балтийских странах. Об этом свидетельствует немецкая надпись на карте. Однако в пояснении говорится, что цифры на карте соответствуют числу казненных советских граждан⁸⁸.

Интересный пример постепенной перемены в отношении к процессу можно найти в ежегодниках Большой советской энциклопедии 1960 и 1961 годов. Ежегодник 1961 года (посвященный событиям 1960) не упоминает «дело Эйхмана» ни в статье об Израиле, ни в статье о ФРГ⁸⁹. Спустя год, в ежегоднике 1962 года (посвященном событиям 1961), описание процесса занимает видное место в статье «Израиль». Упомянув об уничтожении шести миллионов евреев, автор пишет: «Вопреки предшествовавшей процессу договоренности между правительствами Израиля и ФРГ, несмотря на старания суда, прокуратуры и защиты, на процессе

в газете «Червоны штандар» 25 июня 1961 года. В ней правительство Израиля обвиняется в «фарисействе» за свое отношение к жертвам фашизма.

⁸⁶ Имеются в виду антисемитские инциденты, которые произошли в этот период в странах Европы (*Новый мир*, № 6 (1961)). Журнал, однако, игнорировал подобные случаи в Советском Союзе, наиболее известным из которых был поджог синагоги в пригороде Москвы Малаховке в октябре 1959 года (см.: Pinkus, *Yehudei Rusiya*, pp. 370–371).

⁸⁷ *Крокодил*, № 16 (1961); *Литературная газета*, 18 и 20 июля 1961; *Труд*, 20 июля 1961.

⁸⁸ *Новое время*, № 40 (1961).

⁸⁹ 1961. *Ежегодник Большой советской энциклопедии*. М.: БСЭ, 1961. С. 225–226, 346–347.

было доказано участие в кровавых преступлениях гитлеровских войск ряда руководящих деятелей ФРГ». Автор статьи «Западная Германия» (в этом же выпуске) полностью игнорирует процесс и подвергает критике назначение Фёрча на пост командующего вооруженными силами ФРГ как «вызывающий, недружественный акт в отношении СССР и всех государств, подвергшихся агрессии со стороны гитлеровской Германии»⁹⁰.

Советская пресса всячески подчеркивала «антисоветскую» деятельность обвиняемого, однако власти СССР полностью игнорировали просьбы Израиля о предоставлении информации, которая могла бы помочь в ведении процесса. Официальное обращение по этому поводу было передано министерству иностранных дел Советского Союза 27 июня 1960 года (предварительные переговоры впервые состоялись в начале июня). Посольство Израиля в Москве повторило просьбу в декабре того же года⁹¹. Оба запроса остались без ответа. Официальное объяснение гласило, что «все требуемые материалы уже были предоставлены в ходе Нюрнбергских процессов»⁹². Неофициально же советские представители объясняли свое нежелание сотрудничать с Израилем тем, что оказание такой помощи может лишить Советский Союз славы страны-освободительницы и помочь Израилю приобрести репутацию борца с нацизмом. Представителю израильского правительства пришлось заявить с трибуны Кнессета, что Советский Союз, в отличие от других стран Восточной Европы, полностью игнорирует просьбы о предоставлении информации⁹³.

Внимания советской прессы не избежала и правовая система Израиля, как утверждалось, обслуживавшая интересы правительства страны. Под правовой системой подразумевали как обвинителей, так и судей, которые, согласно мнению советских газет, исполняли указания свыше⁹⁴. Один автор прямо пишет: «Су-

⁹⁰ 1962. *Ежегодник Большой советской энциклопедии*. М.: БСЭ, 1962. С. 252, 374.

⁹¹ *Teudot le-medinyut ha-huz shel Medinat Yisrael* (Jerusalem, 1997), vol. 14, p. 462. См. также сноску 1 на той же странице.

⁹² *Teudot le-medinyut ha-huz*, vol. 14, p. 462; Zak, *40 shnot du-siah*, p. 121; *Levanon, Ha-kod: Nativ*, p. 180; Dagan, *Moscow and Jerusalem*, p. 139, n. 23.

⁹³ Сообщение об этом прозвучало из уст министра юстиции Дова Йосефа на пленарном заседании Кнессета 28 ноября 1961 года.

⁹⁴ *За рубежом*, № 18 (1961); *Заря Востока*, 1 июля 1961; *Советская Литва*, 14 июля 1961; *Гудок*, 18 июля 1961; *Правда Украины*, 27 июля 1961.

дья сомкнулись с обвиняемыми» [sic!]⁹⁵. Обвинителю и судьям ставилось в вину и немецкое происхождение (одно из советских изданий говорило о «немцах, ставших израильскими гражданами»)⁹⁶.

Если израильская судебная система пытается скрыть преступления нацистов (например, всячески затягивая процесс), то Нюрнбергские процессы видятся автору образцом справедливого суда, – а вот его-то и не хотят допустить участники «сговора»⁹⁷. Пресса даже старалась провести различие между ведущимся в Иерусалиме «процессом Эйхмана», цель которого – покрыть преступления нацистов, и «делом Эйхмана», призванным разоблачить истинное лицо нацистских преступников⁹⁸. Неслучайно после 1961 года советская печать неизменно широко освещала процессы над пособниками нацистов, проходившие на территории СССР⁹⁹.

Итак, советская печать изображала суд над Эйхманом не иначе как инсценированным действием, призванным скрыть правду. Об этом, в частности, свидетельствовал набор слов, которым пользовались журналисты. Перерыв в обсуждениях именовался «антрактом»¹⁰⁰. Даже советские лидеры высказывались в том же духе: сам Хрущев говорил о «режиссере процесса» и о «следовании сценарию»¹⁰¹. Более того, советский лидер продолжил линию «эмоциональной заинтересованности», заявив, что процесс «позорит сыновей и дочерей Советского Союза, отдавших жизнь ради будущего мира»¹⁰².

После окончания прений сторон и вплоть до обнародования решения суда дело Эйхмана перестало быть объектом внимания

⁹⁵ *Литературная газета*, 20 июля 1961.

⁹⁶ *В защиту мира*, № 7–8 (1961).

⁹⁷ *Комсомольская правда*, 16 мая 1961; *Литературная газета*, 23 мая 1961.

⁹⁸ *Литературная газета*, 20 июля 1961.

⁹⁹ Emanuel Brand, "Al mishpatim neged poshim naziim bi-Vrit ha-Moazot, 1961–1965" // *Yediot Yad Vashem*, № 36 (June 1966), pp. 18, 22; Benjamin Pinkus, *The Soviet Government and the Jews*. (Cambridge: Cambridge University Press, 1984), pp. 426, 560, n. 34; Lukasz Hirszwicz, "The Holocaust in the Soviet Mirror" // Lucjan Dobroszycki and Jeffrey Gurock (eds.), *The Holocaust in the Soviet Union* (New York: M. E. Sharp, 1993), pp. 39–46.

¹⁰⁰ *Известия*, 15 июня 1961.

¹⁰¹ *Правда*, 23 июня 1961.

¹⁰² Там же.

советской печати, хотя этот перерыв был представлен этапом «согласования версий»¹⁰³. Вместе с тем, чтобы читательская аудитория не забыла о процессе окончательно, упоминания о нем периодически появлялись в печати. 3 сентября 1961 года в «Известиях» вышла большая статья Герхарда Лео из ГДР. Лео изложил свои впечатления о процессе, особо подчеркнув роль Красной Армии как армии-освободительницы, – об этом часто говорили свидетели. Автор говорит о шести миллионах погибших евреев и параллельно пытается проанализировать позицию Израиля. Его вывод заключается в том, что Бен-Гуриону не удалось избавиться от подозрения в пособничестве наследникам Гитлера. В своей статье Лео придерживается характерного для советской журналистики подхода к процессу. С одной стороны, он подчеркивает вину Эйхмана в истреблении многих советских народов, а с другой – старается затушевать факт уничтожения евреев. Говоря о конференции в Ванзее, он утверждает, что отдел Эйхмана принял решение об «окончательной ликвидации миллионов людей различных наций: поляков, русских, украинцев, белорусов, евреев, французов, сербов, чехов». Таким образом, вторая по значению советская газета пыталась изобразить «еврейский отдел» как организацию, занимавшуюся уничтожением различных народов, прежде всего славянских, в то время как евреи, по имени которых отдел получил свое название, занимали в этом перечне далеко не первое место.

Во время процесса Эйхмана была также предпринята первая попытка провести аналогию между уничтожением евреев и уничтожением славян. Для этого так называемый «Генеральный план “Ост”» (*Generalplan Ost*) был представлен в качестве главной цели войны¹⁰⁴. В журнале «Новое время» (№ 29) автор статьи «Под стеклом» А. Леонидов анализирует «260 часов процесса Эйхмана». Об уничтожении евреев он говорит как о единичных фактах, в то время как убийство славян изображается результатом заранее

¹⁰³ *Московская правда*, 24 августа 1961; *Бакинский рабочий*, 25 августа 1961; *Советская Белоруссия*, 12 ноября 1961.

¹⁰⁴ О развитии советского восприятия «Генерального плана “Ост”» см.: Arad, “Ha-Shoa ba-historiografiya ha-sovyetit”, pp. 153–154, 157; Dan Zhitz, “Mediniyut hapirsum ha-sovyetit be-yahas le-rezah ha-yehudim” // *Dapim le-heker tkufat ha-Shoa*, № 15 (1999), p. 171. Ср. с более поздними советскими публикациями, например: «План “Ост”» // *Великая Отечественная война. Энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 521.

разработанного плана, целью которого было полное истребление поляков, русских, украинцев и белорусов как «расово неполноценных»¹⁰⁵. Автор статьи также делится с читателями «подлинной» причиной, вследствие которой, по его мнению, Бен-Гурион пытался помешать разоблачению преступлений нацистов: в годы войны деятельность сионистов по спасению евреев сосредоточилась исключительно на спасении их близких, остальные же евреи были обречены на уничтожение, так как не вписывались в сионистские планы по созданию единой еврейской нации¹⁰⁶. Другими словами, как во время войны сионисты сотрудничали с нацистами, так и сегодня сотрудничают с продолжателями дела Гитлера. Разоблачение пособников Эйхмана приведет к разоблачению деятельности сионистов, поэтому защищая нацистов, сионисты, прежде всего, защищают самих себя. С этого времени адресованное сионистам обвинение в сотрудничестве с нацистами превратилось в один из ключевых элементов советской пропаганды¹⁰⁷.

Освещая процесс Эйхмана, советская пресса широко использовала карикатуры¹⁰⁸, – в соответствии с общими идеологическими установками. Вначале сарказм касался в основном немцев, обвинявшихся в серьезных преступлениях; на более позднем этапе делалась попытка разоблачить израильско-западногерманский сговор. Иногда карикатуры упоминали уничтожение евреев; это были перепечатки из иностранных изданий, Холокост они изображали в завуалированной форме или делали упор на чудовищность нацистских преступлений в целом¹⁰⁹.

¹⁰⁵ *Новое время*, № 29 (1961); Feferman, *Soviet Treatment of the Holocaust*, p. 48.

¹⁰⁶ Согласно официальной советской концепции, высказанной в свое время Сталиным в его сочинении «Марксизм и национальный вопрос», евреи не являются единой нацией.

¹⁰⁷ Эти обвинения повторились в советской печати позднее в том же году. См.: *Иностранная литература*, № 11 (1961)

¹⁰⁸ О советских карикатурах см.: Yaakov Guri, *Sinat yehudim, be-rei ha-karikatura* (Tel Aviv, Sifriyat Maariv, 1986); Judith Vogt, "Kaasher ha-nazizm hafakh la-ziyonut – nituah karikaturot politiyot" // Shmuel Etinger (ed.), *Antishemiyut bi-Vrit ha-Moazot* (Tel Aviv, 1986); Kevin McKenna, *All the Views Fit to Print – Changing Images of the U.S. in Pravda Political Cartoons, 1917–1991* (New York: Peter Lang, 2001).

¹⁰⁹ *Новое время*, № 31 (1960), 29, 32 (1961); *Правда Украины*, 11 мая 1961; *Известия*, 18 мая, 4 июля 1961; *Czerwony sztandar*, 4 и 20 июня 1961; *Литературная газета*, 30 мая 1961; *Советская Эстония*, 28 июня 1961; *Крокодил*, № 14 (1961); *За рубежом*, № 18 (1961); *Советская Литва*, 20 декабря 1961; *Наука и религия*, № 12 (1961).

*Трогательное единение. Бонн – Гурион.
На портфеле, который держит Аденауэр, написано:
«Дело Эйхмана».*

Эта карикатура, изображающая, по мнению советского издания, «подлинную причину действий сионистов», была помещена в журнале «Перец» (№ 15) в 1961 году. Она заслуживает особого внимания. В ней впервые присутствует сочетание «звезды Давида» и свастики, которое в будущем станет постоянным атрибутом советской пропаганды. Вместе с тем, мне кажется, что здесь все еще нет пропагандистско-эмоционального накала, характерного для обсуждения этой темы в 70-е годы. Здесь этим символам можно дать буквальную интерпретацию: сотрудничество между сионистами и продолжателями дела Гитлера – Западной Герма-

нией. В советской пропаганде «звезда Давида» символизировала сионистов, свастика и железный крест обозначали нацистов и их наследников. Использование «звезды Давида» в негативном контексте началось в Советском Союзе лишь в начале 60-х годов. В карикатурах периода «дела врачей» и Синайской кампании сионизм и Израиль еще не обладали своим собственным отличительным знаком. В описываемую эпоху «звезда Давида» упоминалась в положительном контексте лишь однажды: в начале 60-х годов Хрущев был награжден эфиопским Орденом Царицы Савской, имевшим форму шестиконечной звезды. Советскому руководителю пришлось тогда пригласить посла Израиля в СССР Арье Хареля прочесть лекцию «об историческом значении этого древнего символа»¹¹⁰.

Сообщения о приговоре также послужили советской прессе поводом для атак на Израиль и Западную Германию. К ФРГ были обращены требования предать суду других нацистских преступников¹¹¹, а к Израилю – подозрения, что израильский суд, даже приговорив Эйхмана к смерти, все же способен помиловать его¹¹². Вплоть до самого повешения Эйхмана советская печать уделяла преимущественное внимание двум аспектам: требованию предать суду других нацистов и опасениям, что Эйхман будет помилован.

Осенью 1961 года скромным тиражом в 25 000 экземпляров увидело свет второе исправленное издание книги секретаря советской делегации на Нюрнбергском процессе Аркадия Полторака «От Мюнхена до Нюрнберга». Основная идея книги заключалась в том, что без Мюнхенских соглашений не могла бы свершиться нацистская агрессия¹¹³. Пост, который автор занимал в прошлом, придавал дополнительный вес его критике в адрес позиции западных стран в отношении ФРГ: напрашива-

¹¹⁰ Zak, *40 shnot du-siah*, p. 352.

¹¹¹ *Советская Латвия*, 12 декабря 1961; *Правда Украины, Советская Литва*, 14 декабря 1961; *Birobidzhaner shtern*, *Правда, Известия, Комсомольская правда, Красная звезда*, 16 декабря 1961; *Birobidzhaner shtern*, 17 декабря 1961; *Советская Литва*, 20 декабря 1961; *Новое время*, № 51 (1961); *Огонек*, № 52 (1961).

¹¹² *Новое время*, № 52 (1961); *Вечерняя Москва*, 5 февраля 1962.

¹¹³ Аркадий Полторака, *От Мюнхена до Нюрнберга*. 2-е изд., испр. М.: Институт международных отношений, 1961. С. 2.

лась параллель между событиями 30-х и 40-х годов и текущей эпохой. Более того, автор книги резко осуждал бывших союзников Советского Союза, пытающихся приписать себе ведущую роль в победе над Германией¹¹⁴.

Во втором издании книги (в отличие от первого, увидевшего свет годом ранее) Полтораки рассматривает процесс Эйхмана. Он подробно перечисляет все совершенные им преступления, особо подчеркивая, что их жертвами были евреи. Автор нередко прибегает к особым формулировкам для описания места евреев в нацистской пропаганде и в массовых убийствах¹¹⁵. Вместе с тем он использует эту тему в своем сочинении, чтобы еще раз заклеить позором Запад и Израиль – за попытки выгородить преступников, стоящих за спиной подсудимого. Автор цитирует протоколы Нюрнбергского процесса, чтобы продемонстрировать, что вина Эйхмана уже давно доказана и что израильская судебная система отказывается выполнить свою историческую миссию – разоблачить многочисленных нацистских преступников, нашедших убежище на Западе¹¹⁶.

Книга Полтораки, увидевшая свет незадолго до окончания процесса, представляет собой своего рода итог пропагандистских усилий, предпринятых СССР до объявления приговора. Автор обвиняет Израиль в сокрытии правды и проводит параллель между контактами сионистов с нацистским руководством в 1944 году и связями Израиля с ФРГ¹¹⁷. И все это является, по мнению автора, лишь одним из многочисленных аспектов сговора между западными странами, направленного против Советского Союза.

Советская позиция после окончания процесса

Число упоминаний о процессе в советской прессе резко сократилось после объявления приговора. Отныне вместо кратких информационных заметок газеты и журналы предпочитали публиковать аналитические статьи, рассматривавшие различные аспекты ситуации. Вначале были заметны две основных тенден-

¹¹⁴ Там же. С. 594–598.

¹¹⁵ Там же. С. 266–272, 283.

¹¹⁶ Там же. С. 275, 280, 285.

¹¹⁷ Там же. С. 282–283.

ции – требование к Западной Германии предать суду других нацистских преступников и специфическое изображение позиции Израиля: Израиль чувствует, что исполнил порученную ему задачу, и готов возобновить сотрудничество с Западной Германией. В последнем номере журнала «Новое время» за 1961 год была опубликована статья Л. Гинзбурга под названием «Закрыто ли дело Эйхмана?», подводющая в какой-то мере итог процессу¹¹⁸. Автор, в частности, писал:

Эйхман осужден. Но глухое чувство тревоги не оставляет человечество. И не исчезает видение: полосатые колонны, призраки, восставшие из могил. Говорят, мертвые молчат, мертвые обвиняют... Нет, обвиняют и действуют живые... Пусть не надеются те, кто хочет воздать «рыцарские почести» палачам прошлой и зачинщикам новых войн, – дело Эйхмана не закрыто.

Опираясь на сказанное его предшественниками о деле Эйхмана, автор статьи формулирует один из главных постулатов советской концепции результатов Второй мировой войны: Запад пытается предать случившееся забвению, но Советский Союз не позволит это сделать¹¹⁹.

Новая советская позиция, обогащенная мессианскими элементами (борьба против сил мирового зла¹²⁰, пытающихся стереть память о страданиях и героизме), ярко проявилась в статье Е. Зайцева «О чем молчала Фемида в Тель-Авиве?» в литературном ежемесячнике «Нева» (органе Союза писателей РСФСР)¹²¹. Негативное отношению автора к Израилю видно уже из заголовка: местом процесса назван Тель-Авив, а не Иерусалим¹²².

¹¹⁸ *Новое время*, № 52 (1961).

¹¹⁹ Вайль и Генис, 60-е. С. 90.

¹²⁰ Концепция Великой Отечественной войны как борьбы против сил зла, стремящихся нанести удар по миру будущего, своего рода священной войны, события скорее мистического, нежели политического или исторического, широко разделялась советским обществом (Вайль и Генис, 60-е. С. 91). Готовность к предстоящей войне пробуждала в людях патриотически-мессианские чувства, подогревая агрессивный русский национализм на грани шовинизма, – и одним из важнейших признаков его был антисемитизм. См.: Peter J.S. Duncan, *Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After* (New York: Routledge, 2000), p. 69.

¹²¹ Е. Зайцев, «О чем молчала Фемида в Тель-Авиве?» // *Нева*, № 3 (1962).

¹²² Во всех советских публикациях об Израиле столицей страны именовался Тель-

По его утверждению, правительство Израиля не только не предприняло достаточных усилий, чтобы разоблачить нацизм, но и превратило процесс в фарс: следствие велось полтора года и только затемнило правду. Нюрнбергские процессы (с точки зрения автора – образец судебного разбирательства), несмотря на большое число подсудимых, закончились быстрее; они как раз и проложили путь к признанию Эйхмана виновным. Однако, утверждает Зайцев, тель-авивский режим решил использовать процесс для замалчивания связей, установившихся между нацистами и сионистами в конце войны. Вопреки прошлогодним публикациям¹²³, дело Йоэля Бранда представляется теперь в совершенно ином свете: именно СССР косвенным путем добился провала этой попытки. Страны Запада, которые вначале хотели помочь злодейскому сговору антисемита Гимmlера и сионистов, поняли, что Советский Союз не допустит этого, и отказались поддержать сделку. Отсюда следует, что не Эйхман, а сами сионисты несут ответственность за уничтожение евреев Венгрии. Более того, сионисты даже пытались помешать освобождению Венгрии советскими войсками. Страх перед продвижением Красной Армии объединил стороны, чьи интересы, на первый взгляд, были противоположны: сионистов, нацистов и страны Запада. Поэтому не стоит удивляться, что Бен-Гурион и Аденауэр быстро нашли общий язык. Зайцев также обвинил сионистов в том, что они находились на службе у гестапо, которое использовало их для предотвращения восстаний в концлагерях.

Автор этих обвинений утверждает, что дело не в Эйхмане и не в нацизме, а в борьбе между силами добра и зла. Из его слов следует, что всякий, кто пытается лишить Советский Союз пальмы первенства в победе над нацизмом, сам является пособником нацистов.

Статья Зайцева опередила свое время. Ее содержание характерно для идеологической линии, занявшей ведущее место в советской пропаганде спустя десять лет (борьба с сионизмом как с

Авив. Упоминанием Тель-Авива автор статьи, по-видимому, намекает на вмешательство израильского правительства в ход процесса.

¹²³ *Новое время*, № 31 (1960); Полтораки, *От Мюнхена до Нюрнберга*. С. 282–283.

воплощением зла на земле). Мы не знаем, принадлежал ли автор к националистическим кругам советского общества, которые впоследствии повели борьбу с сионизмом, однако тон статьи вполне соответствует тону известной книги Трофима Кичко «Иудаизм без прикрас». Это сочинение также опередило свое время, причем есть веские основания считать его автора украинским националистом и антисемитом¹²⁴. В реакции литературных кругов на стихотворение Евгения Евтушенко «Бабий Яр», увидевшее свет в 1961 году, явственно слышны националистические ноты: поэта обвинили прежде всего в том, что он предал память «русских ребят», пожертвовавших жизнью во имя человечества, ради «космополитов» (другими словами, евреев)¹²⁵.

В третьем номере журнала «Советская юстиция» была опубликована статья Н. Комлева¹²⁶ о состоявшемся процессе, менее агрессивная по тону, чем статья Зайцева, и посвященная анализу результатов процесса с профессионально-юридической точки зрения. В отличие от Зайцева, Комлев не отходит от принятой линии и даже считает возможным похвалить представителей обвинения за то, что они сумели опровергнуть ложные показания подсудимого. Вместе с тем, говоря об уничтожении евреев, Комлев цитирует слова Бен-Гуриона в интервью немецкой газете «Дойче цайтунг»¹²⁷, — о том, что нацистская Германия окончательно осталась в прошлом, — и называет их «предательством, не-

¹²⁴ Кичко утверждал, что еврейский капитал проложил Гитлеру дорогу к власти, а еврейские банкиры даже получили звания «почетных арийцев», защитившие их от уничтожения. См.: Трофим Кичко, *Иудаїзм без прикрас*. Киев: Академия наук УССР, 1963. С. 160–161, 168–170. О Кичко см.: Pinkus, *Yehudei Rusiya*, pp. 433–434; Митрохин, *Русская партия*. С. 167.

¹²⁵ Алексей Марков, «Мой ответ» // *Литература и жизнь*, 24 сентября 1961; Дмитрий Стариков, «Об одном стихотворении» // *Литература и жизнь*, 27 сентября 1961. Оба критика принадлежали к националистическим кругам (Митрохин, *Русская партия*. С. 152–153, 160). Аналогичные отклики прозвучали и после исполнения 13-й симфонии Дмитрия Шостаковича, написанной на тексты Евтушенко, в том числе на стихотворение «Бабий Яр». См., например, статью в «Советской Белоруссии» (2 апреля 1963 года), где приводится следующее обобщение: «И когда поэт, а вслед за ним и любимый всеми композитор, композитор, которого мы считаем большим мыслителем, возводит мелкий жизненный случай (*разрядка моя* – Н. К.) в ранг чуть ли не народной трагедии, тогда неизбежно возникает мысль о фальши и в душе неотвратимо зреет чувство внутреннего протеста».

¹²⁶ Н. Комлев, «Окончено ли дело Эйхмана?» // *Советская юстиция*, № 3 (1962).

¹²⁷ Видимо, речь идет об интервью, которое Бен-Гурион дал Рольфу Фогелю, кельнскому корреспонденту «Дойче цайтунг», 13 августа 1961 года. См. электронный архив Бен-Гуриона: <http://bgarchives.bgu.ac.il/archives/archion>.

приемлемым для народов мира», предательством памяти убитых. Более того, автор привносит в статью эмоциональный элемент, неизменно подчеркивая, что нацистская Германия возрождается и это возрождение оскорбляет память погибших советских солдат. Такая же точно тенденция присутствует и в книге Сергея Андреева «Израиль. Записки журналиста», которая вышла в свет в том же году¹²⁸.

Другая тенденция в подходе советской печати к процессу Эйхмана проявилась в намеках на то, что Эйхман может быть помилован, особенно частых в мае 1962 года, накануне рассмотрения его апелляции. Например, 15 мая «Комсомольская правда» задавалась вопросом, почему не хотят казнить Эйхмана, – и сама же объясняла, что пожизненное заключение вместо смертной казни открывает путь к помилованию. Спустя неделю Зиновий Шейнис опубликовал статью в том же духе в газете «Советская Молдавия». Автор не упоминает помилование прямо, но из его слов можно понять, что Израиль, который лишь под принуждением предал Эйхмана суду, в угоду своим западным покровителям сделает все возможное, чтобы его защитить. На это указывало, в частности, название статьи: «Палач Эйхман и его покровители»¹²⁹. Статья «Два шага до виселицы, но будут ли они сделаны?», опубликованная в «Литературе и жизни» 25 мая, намекала на такие же опасения.

Об отклонении апелляции Эйхмана известила своих читателей «Правда», а о приведении приговора в исполнение написали и «Правда», и «Известия». Однако если «Известия» сопроводили свое сообщение большим заголовком, то «Правда» опубликовала эту информацию в рубрике «Вести из разных стран», никак не выделив ее¹³⁰. В тексте заметки подчеркивалось, что Эйхман был приговорен к смерти за уничтожение евреев. Неясно, почему редакторы газеты решили обратить внимание на этот факт, однако учитывая склонность советской прессы замалчивать Холокост и неоднократные обвинения Израйля в попытках свести процесс к чисто еврейским аспектам, можно предположить, что это было сделано по идеологическим соображениям. По-видимому, таким

¹²⁸ Сергей Андреев, *Израиль. Записки журналиста*. М.: ИВЛ, 1962. С. 112–118.

¹²⁹ *Советская Молдавия*, 22 мая 1962.

¹³⁰ *Правда*, 30 мая 1962; *Правда, Известия*, 2 июня 1962.

образом предполагалось подчеркнуть, что другие преступления обвиняемого израильтяне сумели скрыть¹³¹. В этой связи следует также отметить перевод статьи о Симоне Визентале, который предоставил информацию, сыгравшую важную роль в поимке Эйхмана. Статья, первоначально опубликованная в болгарском еженедельнике, была очень позитивной. Ее публикация как нельзя лучше иллюстрирует перемены в советской пропаганде. Спустя всего лишь несколько лет участие Визенталея в поимке Эйхмана стали изображать актом дешевой саморекламы, а его самого – шпионом и «осквернителем могил и памяти миллионов жертв фашизма»¹³².

Начиная со второй половины 1962 года дело Эйхмана перестает активно интересовать советские средства массовой информации. Как правило, его упоминали теперь в качестве одного из примеров «предательства Запада», стремящегося возродить нацизм. Но «выводы» и «факты» об Израиле и евреях, впервые опубликованные во время процесса, приводились часто. 1963 год ознаменовал поворотную точку в официальной советской концепции войны: если во времена Сталина обвинения в адрес поджигателей войны носили национально-коллективный характер, то теперь им на смену пришли обвинения классового толка¹³³. Хотя антиимпериалистический пафос присутствовал в советском подходе ко Второй мировой войне с момента ее окончания, в годы правления Хрущева он звучал отчетливее и подчеркивался настойчивее. Отход от концепции войны как национального кон-

¹³¹ Эти тенденции заметны во многих статьях; см.: *За рубежом*, № 23; *Новое время*, № 25; *Советская юстиция*, № 15–16 (1962).

¹³² Черновик статьи, посвященной анализу различий в характеристике деятельности Визенталея, находится в архивной коллекции Якова Гури, автора книги «Антисемитизм через призму карикатуры»; см. примеч. 108 (Архив Центра по изучению диаспоры при Тель-Авивском университете. Р-40/89).

¹³³ 10 марта 1963 года «Правда» опубликовала речь Хрущева на встрече с писателями и артистами, в которой подчеркивалось, что поступки человека определяются не национальностью, а классовой принадлежностью. Как русский народ не несет ответственности за преступления черносотенцев, так и еврейский народ не отвечает за поступки провокаторов, выдававших революционеров, или за «сионистский национализм Бунда» [*sic!*]. Свои слова Хрущев решил оживить рассказом о некоем Когане, который служил переводчиком в штабе фельдмаршала фон Паулюса под Сталинградом. Итак, евреи не только страдали от рук нацистов, но и могли служить им. Вследствие этого «открытия» появились многочисленные «очевидцы», утверждавшие, что они действительно знают этого Когана и наблюдали его деятельность в различных местах. Эта история вошла во второе, 1965 года, издание книги Порфирия Гаврут-

фликта с одной стороны позволил СССР в будущем сблизиться с Западной Германией, а с другой – заложил идеологический фундамент под обвинение сионизма в сотрудничестве с продолжателями дела нацистов и даже с самим нацистским движением¹³⁴.

Заголовки статей вновь заговорили о процессе Эйхмана в июле 1965 года, во время международного кинофестиваля в Москве, на котором среди других картин демонстрировался и израильский фильм «Помни!». Кинокритики встретили фильм как положительными, так и отрицательными отзывами¹³⁵, однако в прессе было выражено недовольство содержанием фильма, который, рассказывая о процессе, умалчивает о борцах, тех борцах, которые спасли жизнь миллионам¹³⁶.

В 1963–1965 годах были опубликованы несколько репортажей и статей, подчеркивавших оскорбительную для памяти жертв связь между сионизмом и продолжателями дела Гитлера: «Антинациональный характер политики правительства Израиля ярко проявился и в период подготовки и проведения судебного процесса кровавого палача Эйхмана. Правящие круги Израиля приложили немало усилий для того, чтобы в ходе процесса не были разоблачены многочисленные эйхманы различных калибров...»¹³⁷. Появился и ряд карикатур в этом духе¹³⁸.

то о подполье в Херсоне «Тучи над городом», где изображен «палач Моисей Коган», «самый преданный из слуг Паулюса». В литературных кругах книга была встречена отрицательно, и один из критиков даже назвала ее вредной. Интересно отметить, что в первом ее издании, которое увидело свет в 1963 году, еще до выступления Хрущева, Моисей Коган упоминается в качестве человека, выдавшего подпольщиков оккупантам, однако ничего не говорится о его связях с фон Паулюсом. К тому же, в отличие от «Когана» Гаврутто, «Коган» Хрущева действовал в Киеве. См.: Pinkus, *The Soviet Government and the Jews*, pp. 76, 127–133, 492–493, notes 111–115.

¹³⁴ Вайль и Генис, 60-е. С. 91–92; Nina Tumarkin, *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia* (New York: Basic Books, 1994), p. 50.

¹³⁵ *Правда*, 12 июля 1965; *Труд*, 13 июля 1965.

¹³⁶ *Советская культура*, *Труд*, 13 июля 1965.

¹³⁷ *Народы Азии и Африки сегодня*, № 4 (1963).

¹³⁸ Кичко, *Иудаизм без прикрас*. С. 161, 170, 175; *Известия*, 12 ноября 1964.

Заключение

Дело Эйхмана пришлось на период формирования в Советском Союзе исторической памяти и концепции прошлого. Советский гражданин, «герой-жертва», изображался главной движущей силой победы. Он сумел разгромить нацистское зло, благодаря своим особым качествам и вопреки козням западных союзников, которые из-за страха перед большевизмом пытались ослабить Советский Союз, даже во время совместной борьбы против Гитлера.

Суд, состоявшийся в Израиле, послужил своего рода катализатором развития этой концепции. Замалчивание того факта, что жертвами преступлений Эйхмана были евреи, происходившее на первом этапе, являлось продолжением традиционной советской установки не подчеркивать и не выделять горькую участь евреев на фоне страданий, выпавших на долю всех народов Советского Союза. Более того, еврейский Израиль представлялся подходящим местом для проведения суда над нацистским преступником, поскольку евреи тоже пострадали и пережитое ими можно было уподобить пережитому подлинными героями той войны: солдатами и партизанами. При этом ожидалось, что Западная Германия, «продолжательница дела Гитлера», подогреваемая странами Запада, которые в своей ненависти к Советскому Союзу готовы забыть прошлое, сделает все, чтобы выгородить преступников и оскорбить Советский Союз самым болезненным образом – оскорбить память о героях.

Холокост и уничтожение евреев упоминались лишь изредка, причем, как правило, не советскими авторами, а в статьях, перепечатанных из иностранной прессы. Каждое такое упоминание сопровождалось идеологически обязательными фразами о страданиях, пережитых советскими гражданами¹³⁹. Советская пропаганда и до поимки Эйхмана использовала память жертв Холокоста не для того, чтобы заклеить геноцид, осуществленный нацистской Германией, а для того, чтобы критиковать Израиль, проводящий неугодную Советскому Союзу политику.

Освещение процесса Эйхмана изменилось в тот момент, когда

¹³⁹ Feferman, *Soviet Treatment of the Holocaust*, p. 47.

в Советском Союзе осознали, что еврейская составляющая процесса конкурирует с официальной советской концепцией истории. Отныне советская печать проводила гораздо более агрессивную по отношению к Израилю линию, пытаясь прежде всего доказать, что Израиль не вправе судить нацистских преступников. Вначале главным обвинением было предательство памяти жертв нацизма вследствие сотрудничества с властями Западной Германии; постепенно основной упор был перенесен с оскорбления памяти погибших советских граждан на обвинение Израиля в попытках лишить СССР его статуса нации, которая заслонила мир от нацизма и больше всех от нацизма пострадала. Эти атаки носили не только дипломатический характер, но и проявлялись в грубом вмешательстве в публикацию сведений о процессе. Мы располагаем свидетельством о неудачной попытке опубликовать книгу о суде над Эйхманом немедленно по завершении процесса¹⁴⁰. Из переписки между Авраамом Беловым-Элинсоном (автором) и Госюриздатом (издательством при министерстве юстиции СССР) следует, что книгу согласились напечатать, – при условии, что автор подчеркнет героизм и трагедию всех граждан Советского Союза и несколько затушет участь евреев как нации. Поскольку открыто говорить о подобных вещах не представлялось возможным, все переговоры велись при помощи намеков и устных замечаний. Рукопись книги была исправлена в соответствии с требованиями властей, однако и это не помогло, и крамольную книгу, уже сданную было в печать, в последний момент исключили из плана издательства под надуманным предлогом¹⁴¹.

Каждое отклонение от ожидаемого в СССР порядка процесса сталкивалось как намеренное оскорбление Советского Союза

¹⁴⁰ Avraham Belov (Elinson), "Mishpat Aikhman' be-Moskva" // *Shvut*, № 8 (Tel Aviv, 1981), pp. 99–107.

¹⁴¹ Та же судьба постигла книгу директора Еврейского исторического института (*Żydowski Instytut Historyczny*) в Варшаве Бернарда Марка о восстании и гибели Варшавского гетто (Bernard Mark, *Walka i zagłada warszawskiego getta* (Warszawa: Wydawn. Ministerstwa Obrony Narodowej, 1959)). Книга была переведена на многие языки, однако русское издание так и не осуществилось, несмотря на бесчисленные обсуждения, которые велись в течение трех лет (1960–1963). Поводом для отказа в публикации книги, которая была переведена на русский язык еще в конце 1959 года, послужил ее «явный сионистский дух» (то есть подчеркнутое в книге участие евреев в борьбе с нацизмом). Вместе с тем официальная причина, о которой сообщили автору, ничем не отличалась от причины, сообщенной Белову: отсутствие бумаги и сокращение издательского плана в области гуманитарных наук, а также насыщение

и как результат иностранного вмешательства. Впрочем, после открытия процесса советская позиция изменилась. Теперь в попытке воспрепятствовать торжеству справедливости обвинялись не только ФРГ и страны Запада, но и Израиль. Подразумевалось, что Израиль не просто поддается давлению Запада, но выполняет уготованную ему роль с радостью и усердием. Отсюда следовало, что сионисты, как и их западные покровители, пытаются скрыть факт своего сотрудничества с нацизмом.

Советскую позицию в отношении процесса следует рассматривать в двух планах: внутреннем и международном. В международном плане суд над Эйхманом интерпретировали как стремление оправдать преступления нацистов и обелить реваншистскую Западную Германию. Во внутреннем плане процесс с самого начала представляли как попытку скрыть главную правду – правду о величайших потерях и страданиях, выпавших во время войны с нацистами на долю советских народов (и в первую очередь русского). Одновременно культивировалось ощущение, что наряду с желанием скрыть преступления нацистов, обелить Западную Германию и преуменьшить жертвы и страдания народов Советского Союза организаторы процесса посягают на роль СССР и Красной Армии в избавлении человечества от нацизма.

Сионизм посмел посягнуть на первенство народов СССР в страданиях, – и получил клеймо продолжателя дела нацистов. Вначале советская пропагандистская машина использовала в борьбе против сионизма традиционный арсенал средств – обвиняла его в желании угодить Западу и в расизме, подчеркивала экономические трудности Государства Израиль. Вскоре тон обвинений изменился, и была предпринята попытка опровергнуть тезис об уникальности еврейской трагедии в годы войны.

Это позволило постепенно изменить и саму концепцию вины. Согласно сталинской теории, некоторые народы пострадали во время войны, а некоторые запятнали себя, совершили предатель-

литературного рынка работами по истории борцов против нацизма за пределами Советского Союза. Подробнее см.: Семен Чарный, «Советский государственный антисемитизм в цензуре начала 60-х годов (на примере судьбы книги Б. Марка "Восстание в Варшавском гетто")» // *Вестник Еврейского университета в Москве*, № 2 (15) (1997). С. 76–81; Шейнис, *Провокация века*. С. 141–143. Тогда же (но, по-видимому, совершенно самостоятельно) вышеупомянутый Авраам Белов тоже безуспешно пытался опубликовать книгу Марка. См.: Avraham Belov (Elinson), *Eikh hayiti kushi* (Jerusalem: Aviel, 1990), pp. 36–44.

ство и должны быть наказаны¹⁴². По этой теории, евреи – один из народов, обреченных на истребление, – не могли сотрудничать с Гитлером. В эпоху Хрущева национальная концепция вины превратилась в классовую. Теперь евреи могли не только страдать от рук нацистов, но и сотрудничать с ними.

Перемены в отношении к процессу Эйхмана позволяют проанализировать работу советской пропагандистской машины и увидеть, как в течение полутора лет менялась официальная точка зрения на различные события.

Оживленное обсуждение процесса велось, как правило, на страницах второстепенных и вышедших относительно небольшим тиражом газет¹⁴³. Публикации в центральной печати в основном подводили итог сказанному в местной прессе и представляли официальную (обычно отрицательную) точку зрения на дело Эйхмана¹⁴⁴. Вместе с тем определенный разноречивостью в освещении событий различными газетами позволяет предположить, что полного единства мнений не существовало. Очевидно, журналисты, писавшие о процессе, принадлежали к нескольким течениям. Одна группа, включавшая некоторых еврейских авторов, старалась соблюдать правила игры и атаковала Израиль за его связи с Бонном в рамках довольно профессионального анализа процесса и фактов. Другая группа шла дальше и изображала отношения между Израилем и Германией как уникальный исторический феномен, возникший еще во времена Второй мировой войны или даже до нее. Позиции членов этой группы соответствовали будущим взглядам советских националистических кругов, состоявших из консерваторов-сталинистов и русских националистов¹⁴⁵.

¹⁴² О депортации целых народов, сотрудничавших с немецкими оккупантами или подозревавшихся в таком сотрудничестве (как немцы, крымские татары, чеченцы, калмыки и др.), см.: Alek D. Epshtein, *Jenosaid: tihurim politiiim ve-etniim bi-Vrit ha-Moazot 1918–1953* (Raanana: Ha-Universita Ha-Ptuha, 2007), pp. 113–144; Robert Conquest, *The Nations Killers: The Soviet Deportation of Nationalities* (Glasgow: Macmillan, 1970), pp. 84–111; Павел Полян, *Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР*. М.: О.Г.И. – Мемориал, 2001. С. 116–143. О взглядах Сталина на национальный характер см.: Erik van Ree, "Heroes and Merchants. Stalin's Understanding of National Character" // *Kritika*, № 8 (1) (2007), pp. 41–65.

¹⁴³ Вместе с тем в республиканской и местной прессе часто перепечатывали статьи из центральных печатных органов и республиканских газет, что позволяло шире освещать тему (Keefe, Boucher et al., *Area Handbook of the Soviet Union*, pp. 521–522).

¹⁴⁴ Feferman, *Soviet Treatment of the Holocaust*, p. 46.

¹⁴⁵ См. издание книги Михаила Агурского на иврите: Mikhael Agurski, *Roma ha-*

Попытки проанализировать советскую позицию предпринимались еще во время процесса и немедленно после его окончания. Во всех этих публикациях отмечается некоторая путаница, связанная с противоречиями в официальном отношении к делу Эйхмана. С одной стороны, СССР и страны Восточной Европы всегда стремились предать суду нацистских преступников; с другой стороны, они занимали антиизраильскую позицию¹⁴⁶. Поддержка процесса другими странами советского блока лишь углубляла эту путаницу, достигшую своего пика с публикацией статьи Зайцева¹⁴⁷: если прежде советская позиция казалась логическим продолжением традиционной антиизраильской политики¹⁴⁸, то статьи Зайцева и близких ему авторов выглядели рецидивом сталинизма в Советском Союзе и попыткой возродить антисемитизм¹⁴⁹.

Освещение процесса стало поворотной точкой в советской концепции Холокоста и еврейских жертв. В ходе суда советскому гражданину стали известны многие вещи, прежде от него сокрытые¹⁵⁰; однако информация подавалась с намеренными искажениями, иногда грубыми, призванными не допустить признания того факта, что существует народ, пострадавший от нацизма больше, чем советский народ. Одновременно серьезная перемена произошла и в советском отношении к сионизму. Логично пред-

shlishit (mi-mahapehat oktober ad le-perestroika (Tel Aviv: Sifriyat Ha-Poalim, 1989), pp. 92–129. Это издание не только повторяет, но и в значительной мере дополняет предыдущие книги Агурского: «Идеология национал-большевизма» и «The Third Rome».

¹⁴⁶ М. Mushkat, "Be-shulei ha-tguvot al mishpat Aikhman" // *Yediot Yad Vashem*, № 30 (March 1963), p. 31.

¹⁴⁷ Gideon HAUZNER, *Mishpat Yerushalayim* (Tel Aviv, 1980), vol. 2, p. 302.

¹⁴⁸ См., например: *Davar*, May 10, 18, 22, 1961.

¹⁴⁹ Mushkat, "Be-shulei ha-tguvot", p. 33; Mordekhai Oren, "Zutot – pulmus shel yedid" // *Al ha-mishmar*, May 22, 1962.

¹⁵⁰ Трудно оценить, какая читательская аудитория оказывалась под воздействием этих публикаций. Не представляется возможным выяснить, сколько человек читали каждую статью, однако известно, что население СССР в целом читало много. Более того, большинство сведений о процессе печатались в рубрике новостей из-за рубежа, подававшихся в удобной для чтения форме. Более подробные статьи и репортажи обычно сопровождалась крупными заголовками, привлекавшими внимание читателя. К тому же большинство значительных заметок о процессе вышли в крупных периодических изданиях, читательская аудитория которых была очень велика. См.: Keefe, Boucher et al., *Area Handbook of the Soviet Union*, pp. 522, 524, 526–528. Я благодарен редакции журнала, обратившей мое внимание на этот момент.

положить, что дело Эйхмана с его израильским и еврейским контекстом ускорило процесс изменения концепции Второй мировой войны в советском обществе. Начало этим переменам было положено еще в конце 50-х годов, и они хорошо сочетались с ростом националистического патриотизма в 60-х годах, патриотизма, который частично опирался на старый антисемитский фундамент. Этот процесс и привел к изменению концепции: евреи теперь могли не только страдать, но и причинять страдания другим. Сионизм оказался в антисоветском лагере, а значит, на стороне фашизма, главного воплощения мирового зла, – что и позволило со временем приравнять сионизм к фашизму¹⁵¹.

Вместе с тем такое освещение процесса имело и положительный результат: многие евреи впервые познакомились с фактами из истории своего народа. Попытки властей воспрепятствовать этому лишь усилили интерес советских евреев к еврейству и открыли новый этап еврейского национального возрождения в СССР.

Советская реакция на процесс Эйхмана была следствием ряда причин и факторов, которые привели к описанным выше результатам. Трудно представить себе, что бы случилось, если бы процесс такого масштаба проходил в другой «империалистической» стране или в стране с иной исторической памятью. В любом случае, с точки зрения Советского Союза процесс был попыткой отобрать у СССР первенство в сфере принесенных жертв и перенесенных страданий и поэтому не мог получить поддержку. Немалую роль сыграло здесь и отрицательное отношение советского режима к сионизму и Государству Израиль.

*Впервые опубликовано на иврите и по-английски как
“Soviet Reactions to the Eichmann Trial: A Preliminary Investigation 1960-1965”
в Yad Vashem Studies, том 35 (2007) pp. 91-122.
Перевод с иврита Бенциона Дымерского.*

¹⁵¹ Анализ последствий этой концепции см.: Gitelman, “Politics and Historiography of the Holocaust”, pp. 29–31; Korey, *Russian Antisemitism*, pp. 13–59.